

Д. Дмитриевъ.

На кумысѣ

у киргизовъ

Путевыя замѣтки въ письмахъ.

БРЯНСКЪ.
Типографія М. И. Юдина.
1901.

Д 263
947

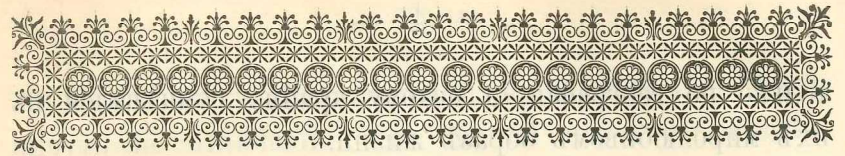
Д. Дмитрієвъ.

На кумысѣ у киргизовъ.

Путевыя замѣтки въ письмахъ.

БРЯНСКЪ.
Типографія Юдина.
1901.

НА КУМЫСЪ У КИРГИЗОВЪ.

Путевыя замѣтки въ письмахъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный другъ!

ы, вѣроятно, крайне былъ удивленъ, получивъ отъ меня письмо, въ которомъ я сообщалъ тебѣ о своемъ путешествіи въ Киргизскія степи для питья кумыса. Я вполне увѣренъ, что у тебя явилось не мало всевозможныхъ предположеній, а быть можетъ и сожалѣній по поводу моего далекаго отъѣзда. Но чтожъ подѣлать—нужно ѣхать! Съ замираніемъ въ сердцѣ распростился я съ родными краями. Всегда почему-то бываетъ грустно при отъѣздѣ. Да это и естественно: уѣзжая изъ родного края да еще далеко, невольно подумаешь, что ты можешь и не вернуться, слѣдовательно, милыхъ своему сердцу родныхъ видишь въ послѣдній разъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться въ такой далекой дорогѣ, а также во время житія въ киргизскихъ кибиткахъ? Я, вѣдь, почти не имѣлъ представленія о кочевникахъ—киргизахъ, зная ихъ

только по географіи, а потому крайне сомнѣвался въ ихъ миролюбивомъ образѣ жизни.

Нечего мѣшкать—въ дорогу, въ дорогу!

Въ Тулѣ пришлось пересѣсть въ вагонъ съ надписью «Москва—Челябинскъ». Что за прелесть эти вагоны! Во первыхъ, хороши они уже тѣмъ, что въ нихъ впускаются только пассажиры, ѣдущіе за Волгу (слѣдовательно въ вагонахъ не тѣсно), а во вторыхъ, всѣ вагоны съ вышеуказанной надписью спальные: каждый пассажиръ въ любое время можетъ открыть боковое мѣсто (если нѣтъ возможности лечь вниз) и спать себѣ, сколько душѣ угодно. Я не ожидалъ, чтобы жизнь въ вагонахъ, когда ѣдешь нѣсколько дней, была такая оживленная, если можно такъ выразиться. Пассажиры вагона скоро знакомятся другъ съ другомъ, разспрашиваютъ одинъ другого, кто куда ѣдетъ, зачѣмъ ѣдетъ.

Въ нашемъ вагонѣ почти всѣ пассажиры ѣхали на кумысъ и всѣ въ разныя мѣстности.

Многіе ѣхали въ другой и даже третій разъ, слѣдовательно были людьми бывалыми въ кумысныхъ краяхъ. Намъ, новичкамъ, пріятно и даже полезно было разспросить такихъ пассажировъ, гдѣ, что и какъ. Всѣ кумысники ѣхали, какъ выяснилось изъ разспросовъ, въ благоустроенныя кумысныя заведенія, расположенныя за Самарой по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Тщетно старался я отыскать между кумысниками такихъ, какіе ѣхали-бы къ киргизамъ: всѣ мои поиски не увѣнчались успѣхомъ. Въ разспросахъ и разговорахъ время проходитъ незамѣтно. Вотъ мы ѣдемъ уже два дня. Приближаемся къ Волгѣ—матушкѣ.

Мѣстности, какія намъ пришлось проѣхать до Волги, ничуть не отличаются отъ нашей середины Россіи, какъ по устройству поверхности, такъ и по растеніямъ. Правда, чѣмъ ближе къ Волгѣ, тѣмъ лѣсовъ, сравнительно меньше, и лѣса исключительно лиственные, но зато большая площадь земли засѣяна главнымъ образомъ рожью. Но вонъ что-то заблестѣло на солнцѣ. Пассажиры, ѣдущіе не въ первый разъ, спокойны; они хладнокровно говорятъ, что это виднѣется Волга. Мы же, новички, точно наэлектризованы: каждый задаетъ вопросы, торопится занять поудобнѣй мѣсто у окна или на площадкѣ вагона, чтобы получше рассмотреть Волгу-матушку-кормилицу. Бывалые передаютъ, что не далеко и мостъ черезъ Волгу. Интересъ увеличивается. Кто можетъ, вышелъ изъ вагона въ ожиданіи проѣзда черезъ мостъ.

Вотъ и мостъ! Поѣздъ замедлил ходъ, а когда взопелъ на самый мостъ, то пошелъ такъ тихо, что свободно можно было сойти и идти рядомъ съ вагонами. Мостъ вполнѣ заслуживаетъ присвоенное ему названіе «чудо сооруженія». Онъ имѣетъ около полуторы версты длины, и покоится на 12 устояхъ. Было около часу дня, когда мы проѣзжали этотъ русскій гигантъ. Всѣ устремили свои взоры какъ на мостъ, разсматривая его, такъ и на Волгу, по которой то и дѣло шныряютъ пароходы и пароходики, таща за собой цѣлую вереницу баржъ, нагруженныхъ всевозможными товарами. Весь этотъ караванъ судовъ проходитъ въ «прогалы» моста, и кажется такимъ мизернымъ, какъ голубь, пролетающій въ открытыя ворота. Путь между желѣзно-

дорожнымъ мостомъ и Самарой идетъ по низменному лѣвому берегу Волги. Вся эта мѣстность занята заливыми лугами. Правый же берегъ Волги значительно приподнятъ: это идутъ Жегулевскія горы. На ихъ склонахъ то здѣсь, то тамъ виднѣются деревни и села съ маковками церквей, ярко блестящими на солнцѣ.

Въ Самарѣ пришлось распротиститься съ нѣкоторыми новыми знакомыми и перебраться въ вагоны оренбургской вѣтви. Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось часа три свободного времени, то я вмѣстѣ съ другимъ кумысникомъ отправился разсматривать городъ. Самара намъ не понравилась особенно тѣмъ, что слишкомъ много въ ней пыли: еще издали городъ казался въ дыму. Въ самомъ-же городѣ пыль такая, что даже удивляешься, чѣмъ-же дышать въ немъ люди? Въ городѣ много красивыхъ зданій. По срединѣ его стоитъ памятникъ Александру II. Памятникъ изображаетъ Царя-Освободителя, стоящаго въ мантии на гранитномъ возвышеніи, а у ногъ его на углахъ возвышенія, нѣсколько ниже фигуры Царя, расположены фигуры народовъ, кои имѣли отношеніе къ его славному царствованію: такъ въ одномъ мѣстѣ женщина Средней Азіи снимаетъ съ себя покрывало и рветъ на себѣ вѣковыя цѣпи; въ другомъ—колѣнопреклоненная женщина, олицетворяющая Балканскихъ славянъ, возноситъ свои взоры къ Царю-Освободителю и т. п. Вокругъ памятника много цвѣтовъ; растутъ небольшія деревья. Весь городъ расположенъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Самары въ Волгу. Пробродивъ по Самарѣ около двухъ часовъ, мы, размявъ свои ноги,

которыя послѣ трехдневной бездѣятельности очень нуждались въ упражненіи, вернулись на вокзалъ. Изъ Самары мы поѣхали по оренбургской вѣтви. Но, дорогой другъ, долженъ признаться тебѣ, что ѣзда по этой дорогѣ куда какъ хуже! Во время какихъ нибудь 13-ти часовъ ѣзды я такъ истомился, какъ никогда. Народу много; толкотня страшная; на каждой станціи выходятъ и входятъ новые пассажиры: того и гляди, что украдутъ багажъ. Что тогда дѣлать? Кое какъ прокороталъ ночь. Къ утру пассажировъ поубавилось: мы уже миновали не мало кумысныхъ заведеній, гдѣ отыщутъ себѣ пріютъ мои новые знакомые.

По выѣздѣ изъ Самары на востокъ, мѣстность значительно измѣняется и имѣетъ положительно степной характеръ. Почти ровная поверхность, съ небольшими волнообразными возвышеніями на сѣверѣ, покрыта густой высокой пшеницей и просомъ. Поселки попадаютъ уже рѣже. Деревья встрѣчаются въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ, да и то около водяныхъ мельницъ; даже кладбища, которыя въ серединной Россіи бываютъ всегда заросшими густыми деревьями, здѣсь голы и такъ высматриваютъ печально, что просто удивляешься халатности тѣхъ родственниковъ, которые нисколько ни заботятся о могилахъ своихъ родныхъ.

Но вотъ и я приближаюсь къ конечной станціи. Надо собирать пожитки, которые къ немалому моему удовольствію всѣ цѣлехоньки. Раздается свистокъ, и, спустя минуту, поѣздъ останавливается на станціи «Ново-Сергѣевская». Выхожу изъ вагона и обращаюсь къ жандарму съ просьбой сообщить, кто можетъ

довезти меня до города Илека, Уральской области. Къ моему удовольствію жандармъ указалъ мнѣ на группу стоящихъ на платформѣ мужиковъ, которые всѣ были извозчиками и дожидались пассажировъ. Сообщивъ имъ, куда нужно меня везти, я, къ великой радости, узналъ отъ одного извозчика, что послѣдній знаетъ даже того киргиза, къ которому я ѣхалъ: онъ возилъ туда кумысниковъ.

Нанявъ за умѣренную плату этого извозчика, положивъ въ доморощенный (если такъ можно выразиться) тарантасъ, сплетенный изъ хвороста, свои вещи, мы не медля ни минуты, двинулись въ путь по направленію къ югу. Дорога на лошадахъ слишкомъ скучна. Мѣстность, что мы теперь проѣзжали, положительно безлѣсна и безлюдна: кое-кое-гдѣ по пригоркамъ, которые очевидно составляютъ отрасли Уральскихъ горъ, торчатъ жалкіе кусты осинника. Все-же остальное пространство покрыто высокой, но рѣдкой травой или пшеницей. Пшеницы посѣяно очень много. Какъ то невольно является вопросъ: кто же посѣялъ эту массу пшеницы, когда нигдѣ не видно жилья и не слышно человѣческаго голоса? Проѣхавъ около 40 верстъ на лошадахъ, мы не встрѣтили ни одного человѣка, не видали даже стадъ. Только суслики, перебѣгающіе съ одной стороны дороги на другую, да жаворонки съ звонкой пѣснью въ небѣ напоминаютъ о присутствіи здѣсь живыхъ существъ.

На полдорогѣ до Илека находится казацкій поселокъ «Ржавка», расположенный на равнинѣ, образуемой двумя значительными возвышеніями, гдѣ мой ямщикъ

и остановился для корма лошадей. На дворѣ насъ встрѣтилъ старый казакъ, который былъ бѣлъ, какъ лунь, но высматривалъ еще куда какъ молодцомъ. Онъ попросилъ насъ войти въ горницу «гдѣ попокойнѣй», какъ онъ выразился. Внутренность горницы ничуть не отличается отъ хаты зажиточнаго крестьянина нашей мѣстности: полъ досчатый, стѣны чисто вымыты. Стоящія же въ «святомъ углу» иконы стариннаго письма да писанный печатными буквами славянскаго алфавита молитвенникъ (съ мѣсяцесловомъ), лежащій на столѣ, изобличаютъ здѣсь жильцовъ старовѣровъ. Да, здѣшніе казаки почти всѣ раскольники.

Полезно было для меня поговорить съ этимъ старымъ воиномъ и узнать кое-что для меня интересное объ этомъ незнакомомъ для меня военномъ сословіи. Оказалось, что хозяинъ постоялаго двора илецкій казакъ. Илецкіе казаки составляютъ такъ сказать административныхъ выселенцевъ уральскихъ казаковъ. У нихъ имѣется собственное управленіе, иныя несутъ они и повинности: всякій поселокъ долженъ ежегодно выставить извѣстное количество молодыхъ казаковъ и снабдить ихъ всѣми атрибутами коннаго воина. Всѣ расходы по обмундировкѣ раскладываются между домовладѣльцами поровну. Всѣ казаки занимаются земледѣліемъ: каждый казакъ имѣетъ право засѣвать земли столько, сколько у него хватитъ возможности. (Земли у казаковъ очень много, и она не раздѣлена на дворовые участки). Поотдохнувъ славно у этого добраго и словоохотливаго казака, мы снова пустились въ путь. Далѣе къ югу мѣстность совсѣмъ дѣлается ровной:

ужь тѣхъ волнообразныхъ возвышеній теперь не встрѣчается, и глазъ можетъ видѣть далеко—далеко.

Вонъ тамъ вдали что-то блеститъ на солнцѣ. «Это главы Илецкихъ церквей такъ ярко блестятъ», поясняетъ мнѣ извозчикъ. Хотя главы эти казались близкими, однако намъ пришлось еще очень долго ѣхать, пока мы добрались до Илека.

Солнце уже было низко надъ горизонтомъ, когда мы круто спускались по правому берегу рѣки Урала, чтобы переправиться на другой берегъ, на которомъ расположенъ городъ. Переѣхавъ Уралъ по разводному мосту, мы очутились въ Азіи. Уралъ въ этомъ мѣстѣ не особенно широкъ (около 15 саж.) и течетъ въ крутыхъ сравнительно берегахъ, отчего виденъ бываетъ только тогда, когда подъѣдешь къ самой рѣкѣ. Нѣсколько ниже, въ него впадаетъ рѣченка Илѣкъ, при впадѣніи которой и стоитъ городъ Илѣкъ. Городъ скорѣй походитъ на богатое малороссійское село. Постройки большей частью изъ глины или изъ тонкаго лѣса и крыты соломой или тростникомъ. Главное населеніе города составляютъ казаки, которыхъ считается около $3\frac{1}{2}$ тысячъ душъ; всего же жителей въ Илѣкъ считается около $5\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ. Главное занятіе казаковъ — хлѣбопашество; не «казачье» же сословіе занимается торговлей или снимаетъ въ аренду землю у казаковъ и занимается земледѣліемъ.

Г. Илѣкъ служитъ для обмѣна азіатскихъ товаровъ на европейскіе: киргизы пригоняютъ на продажу лошадей, овецъ, верблюдовъ, привозятъ шерсть, кожи, сало, а покупаютъ вещи, нужныя въ ихъ домашнемъ обиходѣ.

Если-бы городъ Илѣкъ не былъ такъ далеко удаленъ отъ линіи желѣзной дороги, то онъ могъ-бы обратиться въ торговый пунктъ съ громадными оборотами. Теперь-же, благодаря такому своему положенію, мѣстныя произведенія баснословно здѣсь дешевы: пшеница рѣдко доходитъ до 40 коп., а шерсть до 3-хъ рублей за пудъ.

Городъ основанъ въ XVII вѣкѣ. Главная особенность этого города та, что въ немъ масса всевозможныхъ сектъ.

Такъ какъ мы должны были ночевать въ Илѣкѣ, а время было не особенно позднее, то я и отправился побродить по городу. Въ одномъ домѣ мнѣ пришлось видѣть чрезъ открытыя окна ужинавшую семью, мужчины которой были въ шапкахъ; въ другомъ—мальчикъ лѣтъ 15-ти стоялъ въ углу въ шапкѣ съ книгой въ рукахъ, очевидно совершая вечернюю молитву. Изъ разспросовъ я узналъ, что люди, обратившіе мое вниманіе, были «субботники». Субботники—эта секта живодствующихъ: члены ея исполняютъ нѣкоторые еврейскіе обряды и нѣкоторые христіанскіе. Они, напримѣръ, чтутъ праздникъ субботу, не имѣютъ иконъ, совершаютъ обрѣзаніе; носятъ-же всѣ христіанскія имена и т. п.

Въ городѣ имѣются три церкви, и, кажется, всѣ единовѣрческія.

Переночевавъ въ Илѣкѣ на постояломъ дворѣ (гостиницъ ни одной) и вкусивъ всю прелесть тѣхъ ночевокъ, съ которыми знакомъ всякій, кому приходилось ночевать на постоялыхъ дворахъ, проѣзжая по проселочнымъ дорогамъ нашей необъятной Россіи, мы на

другой день около пяти часовъ утра уже были въ дорогѣ. Еще въ городѣ мнѣ сообщали, что тотъ киргизъ, къ которому я ѣхалъ, откочевалъ дальше въ степи. Поѣхали. Заѣхали въ волостную киргизскую ставку (волость), свѣрились, — дѣйствительно нужный мнѣ киргизъ перенесъ свои кибитки верстъ за 50, какъ мнѣ уже передали въ городѣ. И казавшаяся конченною поѣздка снова обращается въ безконечную: поди тамъ въ степи отыщи, гдѣ кочуетъ нужный тебѣ киргизъ, и вмѣсто 40 — 50 верстъ, пройденъ 100, а то и больше.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ ѣдемъ въ глубь степей. Если мѣстность по правую сторону р. Урала казалась мнѣ безлюдной, то Киргизскія степи (онѣ лежатъ по лѣвую сторону) положительно мертвы. Ёдешь — ёдешь, нигдѣ ни души не видно. Проѣхали ужъ и мы не мало времени по степи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степь покрыта высокой рѣдкой травой съ примѣсю ковыля, а въ нѣкоторыхъ — она гола.

Куда ни глянешь — все небо и земля. Вотъ только проѣзжая по такимъ мѣстамъ, можно имѣть ясное представленіе о равнинахъ. И на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ намъ начали виднѣться кибитки (лѣтнія помѣщенія киргизовъ). Кибитки такъ рѣдки и стоятъ отъ дороги такъ далеко, что нужно употребить два — три часа, чтобъ, свернувъ съ дороги, добраться до ближайшей. Пріѣхали мы, наконецъ, въ такое мѣсто, гдѣ дорога развѣтвляется — изъ одной дѣлается двѣ, идущія въ разныя стороны. По какой нужно намъ ѣхать? Свернули съ дороги и поѣхали къ кибиткѣ, чтобъ разспросить. Подѣхали. Около кибитки стоитъ женщина.

Ямщикъ обращается къ ней съ разспросами. Мотаешь головой и ни звука. А меня еще раньше предупредилъ ямщикъ, что вѣрнѣе всего ничего не узнаемъ, такъ какъ очень немногіе киргизы говорятъ по-русски, а женщина ни одна. Что тутъ ты подѣлаешь? Вотъ тутъ-то я, по совѣсти сказать, струсилъ: заѣхали Богъ вѣсть куда — ни впередъ, ни назадъ. На наше счастье изъ кибитки вышелъ молодой киргизъ. Мы къ нему. Но и онъ ни слова: мотаешь головой — и только. Тогда я и извозчикъ начали кричать: «Иржанъ, Иржанъ!» (такъ звали киргиза, къ которому я ѣхалъ). Догадался, вѣрно, что мы ищемъ Иржана, показываетъ рукой вдаль, а самъ говоритъ: «бѣлый, бѣлый!» т. е. у Иржана тамъ далеко бѣлыя кибитки, какъ мнѣ разъяснилъ ямщикъ. Поѣхали по тому направленію, какъ указалъ молодой киргизъ. Проѣхали еще нѣсколько часовъ. Ужъ солнышко свалило съ полдня, а мы все не видимъ бѣлыхъ кибитокъ. У меня даже явилось сомнѣніе въ томъ, что мы можемъ и не найти Иржана. Но вотъ вдали показалось стадо рогатаго скота, которое пасъ киргизъ, сидя верхомъ на лошади. Киргизъ былъ одѣтъ въ новую ситцевую рубаху и такія же шаровары. Сразу ямщикъ догадался, что «франтъ» (назову я его такъ) говорить по-русски. Свернули съ дороги и поѣхали цѣлиной. Подѣхали къ киргизу. Оказалось, что киргизъ дѣйствительно кое что говоритъ по-русски. Разспросивъ у него досконально, какъ и куда ѣхать, мы съ душевной радостью тронулись. «Верстовъ пять — шесть пройдете и найдете», пояснилъ намъ киргизъ въ концѣ разговора. Проѣхали уже и еще не малое

разстояніе, все не видно бѣлыхъ кибитокъ. Нѣсколько разъ я выходилъ изъ тарантаса, чтобъ пройтись и размять замлѣвшіе члены.

Но вотъ вдали показались бѣлыя кибитки. Слава Богу, подумалъ я, наконецъ конецъ моему мытарству. Передаю свое предположеніе ямщику. — «Э, баринъ, если киргизъ сказалъ верстъ пять—шесть, то вѣрно двадцать нужно ѣхать, а то и больше. Киргизскія версты кто мѣрилъ?—Никто. Онъ сядетъ верхомъ на лошадь, пуститъ ее во всю и мигомъ пролетитъ 20—30 верстъ. Вотъ онъ по своему и судитъ. А степь кто мѣрилъ?»

Какъ я ни уговаривалъ ямщика свернуть къ бѣлымъ кибиткамъ, онъ остался неумолимымъ.

Ѣдемъ дальше. Солнце печетъ немилосердно. Пить давно хочется: то молоко, что забралъ я съ собой на постояломъ дворѣ, давно уже вышло, а воды нѣтъ никакой. Лошади, измученныя жаромъ и жаждой, стали приставать. Наконецъ вдали завиднѣлись двѣ кучки кибитокъ. «Вѣроятно тутъ Иржанъ», авторитетно заявляетъ ямщикъ, сворачивая съ дороги по направленію къ кибиткамъ. Подъѣхали къ нимъ и спрашиваемъ Иржана.

Ничего не говоря, намъ указываютъ на сосѣднія, отстоящія отъ этихъ въ пятиверстномъ разстояніи. Припугнувъ въ послѣдній разъ своихъ измученныхъ лошадеенокъ, ямщикъ покатилъ къ сосѣднимъ кибиткамъ. Солнце было уже очень низко на горизонтѣ, когда нашъ тарантасъ подкатилъ къ самой большой кибиткѣ. На насъ залаяли двѣ борзые собаки, а на ихъ лай изъ кибитокъ стали выходить люди, между которыми я за-

мѣтилъ и европейцевъ. Выхожу изъ тарантаса, заявляю, зачѣмъ пріѣхалъ и прошу дать мнѣ помѣщеніе. (Объ условіяхъ я еще раньше списался съ киргизомъ). Меня приглашаютъ въ большую кибитку, очевидно главную. Вхожу и крайне удивляюсь внутреннему ея устройству. (Устройство кибитки я опишу въ другомъ письмѣ). Всѣ вошедшіе садятся по восточному на ковры, разостланные по всей кибиткѣ. Подогнувъ ноги, сѣлъ и я. Одна изъ женщинъ, хозяйка, какъ потомъ оказалось, наливаетъ въ деревянные чашки, похожія на полоскательницы, кумыса и подноситъ мнѣ. Прильнулъ я своими запекшимися губами къ этому «священному» напитку, вкусомъ похожему на старый квасъ, и утолилъ свою жажду. Мои будущіе сожители, съ которыми я тотчасъ-же познакомился, пьютъ кумысъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Напившись вдоволь кумыса, я въ сопровожденіи хозяина пошелъ въ ту кибитку, которую назначили мнѣ для житія. Ну вотъ я и на кумысѣ!

Твой Д.

Киргизскія степи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Дорогой другъ!

Въ прошломъ письмѣ я написалъ тебѣ о своей дорогѣ, которая порядочно таки утомила меня; теперь я хочу познакомить тебя съ нашимъ житьемъ-бытьемъ. Насъ кумысниковъ 10 человекъ, и всѣ наѣхали изъ

самыхъ разнообразныхъ мѣстъ. Одна между нами женщина, пріѣхавшая на кумысъ съ мужемъ. За день до моего пріѣзда, сказали мнѣ, отсюда уѣхала еще одна барыня, которой слишкомъ не понравилось житье въ степи. Всѣ мы размѣщены по кибиткамъ отъ двухъ до трехъ человѣкъ въ каждой.

А вотъ внутреннее устройство нашего жилища, т. е. кибитки. Каждая кибитка представляетъ изъ себя большой цилиндръ до 12 аршинъ въ поперечникѣ; сверху цилиндра наложенъ конусъ, вершина котораго не острая, а имѣетъ форму ковриги чернаго хлѣба. Какъ цилиндръ, такъ и конусъ разборный и состоятъ изъ деревянныхъ планокъ, обыкновенно окрашенныхъ въ красный цвѣтъ и соединенныхъ между собой не гвоздями, а ремнями. Снаружи кибитка накрывается большими широкими кусками толстаго сукна, обыкновенно изъ бѣлой шерсти. Самая же вершина кибитки закрывается небольшимъ кускомъ сукна (около сажени въ квадратъ), укрѣпленнаго веревками за углы. Этотъ верхъ называется «тюдюкомъ». Тюдюкъ служитъ вмѣсто окна, вентилятора и трубы. Если желаютъ, чтобъ въ кибиткѣ было свѣтло (обыкновенно въ ней днемъ полумракъ), то отворачиваютъ одинъ уголь тюдюка, и свѣтъ сверху падаетъ въ кибитку. Въ жаркій день тюдюки всегда закрыты по той простой причинѣ, почему въ мѣховой одеждѣ не такъ жарко лѣтомъ, какъ безъ нея. Я прежде до жилья въ кибиткахъ не замѣчалъ этого, да и негдѣ было замѣчать. Входятъ въ кибитку чрезъ двери, которыя покупаются на ярмаркахъ. Двери всегда расписаны всевозможными фигурами.

Внутри кибитки по ея сторонамъ развѣшаны персидскіе ковры, которые служатъ какъ украшеніемъ кибитки, такъ и защитой ея обитателей отъ весеннихъ и осеннихъ вѣтровъ. На землѣ внутри кибитки тоже постланы ковры, цѣнностью подешевле. Чѣмъ киргизъ богаче, тѣмъ ковровъ у него больше, и они дороже. Кибитка безъ ковровъ обыкновенно стоитъ отъ 100 до 300 рублей; бываютъ и дороже.

Всякій киргизъ, вошедшій въ кибитку, снимаетъ у двери калоши (почти всѣ киргизы, какъ женщины такъ и мужчины носятъ калоши постоянно; послѣднія снимаются только при входѣ въ кибитку), и безъ всякихъ приглашеній садится на разостланные ковры. Хозяйка своей первой обязанностью считаетъ налить неполную чашку кумыса, которую подноситъ гостю, а послѣдній долженъ выпить кумысъ до капли. Я очень благодаренъ одному кумыснику, который въ первыя-же минуты моего пріѣзда предупредилъ меня, что кумысъ нужно пить до капли и ни въ какомъ случаѣ не выливать на землю.

«Если киргизъ увидитъ, что вы выливаете кумысъ, то онъ откажетъ вамъ въ немъ», сказалъ предупредительный кумысникъ.

Мебель въ кибиткахъ отсутствуетъ, какъ я уже тебѣ сообщалъ въ первомъ письмѣ. Да если-бы у нихъ она и была, то стояла бы безъ дѣйствія: киргизы не умѣютъ на ней сидѣть. Хозяинъ-киргизъ передавалъ намъ, что когда ему вмѣстѣ съ женой пришлось быть въ одномъ богатомъ домѣ, то послѣдняя взобралась на мягкій диванъ съ ногами и сѣла, подогнувъ подъ себя ноги.

Вѣдь знаешь, дорогой другъ, кумысъ у киргизовъ считается «священнымъ» напиткомъ! Поэтому-то они такъ и дорожатъ имъ, и каждую каплю, нечаянно пролитую, тщательно вытираютъ. Собственно говоря, по древнему преданію, киргизъ не долженъ продавать кумыса, такъ какъ такой поступокъ можно сравнить съ нашимъ святотатствомъ. По вѣрованію киргизовъ, кумысъ имъ посланъ съ неба самимъ Аллахомъ. (Всѣ киргизы магометане). Какъ-же можно продавать его? Если у киргиза есть избытокъ этого священнаго напитка, то избытокъ этотъ онъ долженъ отдать неимущему. И теперь встрѣчаются между киргизами такіе фанатики, которые ни за какія деньги не продадутъ кумыса,—даромъ же пей, сколько угодно. Киргизы живущіе около границы Европы, такъ сказать, цивилизованные, которые уже умѣютъ кое-что говорить по-русски, начинаютъ продавать кумысъ.

Приготавливается киргизами кумысъ такъ. Въ началѣ мая, когда весеннее солнышко начинаетъ припекать, какъ слѣдуетъ, надаивается конскаго молока ведра два. Потомъ это молоко немножко подогрѣваютъ на огнѣ и вливаютъ въ большой кожаный мѣшокъ съ узкимъ горломъ (саба), гдѣ даютъ ему окиснуть. Пробывъ въ мѣшкѣ дня два или три, закваска дѣлается готовой. Тогда надаиваютъ еще молока нѣсколько ведеръ, вливаютъ въ сабу и начинаютъ всю эту смѣсь взбалтывать особой скалкой, имѣющей на томъ концѣ, который въ сабѣ, большое расширение на подобіе чашки. На слѣдующее утро кумысъ готовъ. Стараются дѣлать такъ, чтобы къ вечеру въ сабѣ осталось около ведра кумыса,

который и служить закваской. Въ этотъ остатокъ вечеромъ наливаютъ опять молока столько, сколько требуется на завтрашній день, и такъ ежедневно. Взбалтываніе кумыса продолжается каждый вечеръ: нужно не торопясь сдѣлать отъ 700 до 1000 взбалтываній, и только тогда кумысъ дѣлается готовымъ и пріятнымъ на вкусъ. И вотъ, лишь только наступаетъ вечеръ, какъ изъ кибитки, гдѣ находится саба, только и слышишь звуки бухъ-бухъ! Это взбалтываютъ кумысъ.

Кумысъ, по содержанію, алкоголя дѣлится на крѣпкій, средній и слабый. Если молоко влито въ сабу вечеромъ, и тамъ стараго кумыса оставалось маловато, то на утро кумысъ будетъ слабый. Если-же этому кумысу дать возможность оставаться цѣлый день не тронутымъ, то онъ обратится въ такой крѣпкій, что выпивъ чашку, можно и съ мѣста не подняться. Вообще, крѣпость кумыса, какъ и вина, зависитъ отъ его выдержки.

Всѣ кумысники предпочитаютъ пить средній кумысъ. Крѣпкій кумысъ слишкомъ хмеленъ, и его выпить много нѣтъ возможности, притомъ онъ крѣпитъ желудокъ. Слабый-же кумысъ не такъ пріятенъ и, кромѣ того, онъ слабитъ желудокъ. Поэтому къ крѣпкому и слабому кумысу прибѣгаютъ только въ виду крайности. Каждый кумысникъ выпиваетъ отъ пяти до пятнадцати бутылокъ кумыса въ день.

Время у насъ проходитъ такъ. Встаемъ около 8—9 часовъ, пьемъ чай (не кирпичный) съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, за которымъ нарочно ѣздятъ въ г. Илекъ, съѣдаемъ по парѣ яицъ и идемъ дѣлать не-

большую прогулку. (Кому лѣнь, тотъ сидитъ или лежить въ кибиткѣ).

Выйдешь изъ кибитки; воздухъ чистый сухой! Да откуда здѣсь и сырости-то быть, когда въ степи нѣтъ ни одного болотца, а воду достаютъ изъ колодцевъ? Пройдешь этакъ съ версту, станешь посрединѣ этого необъятнаго горизонта, и такой ты мизерной величиной кажешься, что и вообразить трудно!

Многіе врачи совѣтуютъ для слабогрудыхъ житье въ сосновомъ лѣсу. Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія отвергать ихъ авторитетные совѣты, но признаюсь, что, живя среди самой лѣсной мѣстности Европейской Россіи, я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ такого чистаго и сухого воздуха, какъ здѣсь. Въ лѣсу не тутъ, такъ тамъ попадаются болота, которыя по вечерамъ и ночамъ распространяютъ сырость, слишкомъ вредную для слабогрудыхъ. А комары? Развѣ они не зло для жителей лѣса? Въ степяхъ ничего подобнаго нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ году.

Есть и нѣкоторое неудобство степной жизни,—это житье въ кибиткахъ. Но и это неудобство ощущается только вначалѣ. Конечно, неудобно сидѣть по-киргизски, спать не на кроватяхъ, а прямо на коврахъ, что постланы по землѣ, на которые положены перины или матрацы. Проживя въ кибиткахъ нѣсколько деньковъ, со всѣмъ этимъ осваиваешься и не чувствуешь никакихъ неудобствъ.

Около двухъ часовъ мы обѣдаемъ, а въ промежутокъ между чаемъ и обѣдомъ истребляемъ кумысъ, кто сколько можетъ. Обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ одного

блюда: жареной или вареной баранины. Жареная баранина (кавардакъ) готовится такъ: мясо только что зарѣзаннаго барашка (барашковъ рѣжутъ ежедневно) разрѣзаетъ на небольшіе кусочки, какіе, не раздѣляя, можно брать въ ротъ. Всѣ эти кусочки кладутъ въ котелъ, гдѣ уже кипитъ сало отъ курдюка, и въ этомъ салѣ жарится баранина. Это любимое національное кушанье киргиза. Оно очень пріятно на вкусъ, и теперь пока уничтожается кумысниками превосходно. Курдючное же сало до того пріятно, что нѣкоторые изъ моихъ сожителей ѣдятъ его въ растопленномъ видѣ съ хлѣбомъ. Вареная баранина (бишбармакъ) готовится на подобіе нашей лапши. Но это кушанье намъ не нравилось, и мы его ѣли одинъ или два раза. Я и забылъ тебѣ, дорогой другъ, сообщить, что ѣдятъ всѣ самымъ первобытнымъ способомъ: каждый запускаетъ свою руку въ огромную чашу, въ которую наложено кушанье, вылавливаетъ тамъ понравившійся кусокъ, который и тащитъ себѣ въ ротъ. Не понравился намъ такой способъ ѣды, и мы просили киргиза съѣздить въ городъ и купить тамъ каждому изъ насъ по столовому прибору. Теперь уже мы обѣдаемъ и ужинаемъ почти по европейски: сидя, подогнувъ ноги, съ вилками и ложками. Обѣдаемъ обыкновенно всѣ кумысники вмѣстѣ (но безъ киргизовъ).

Послѣ обѣда кто отдыхаетъ, кто идетъ погулять по степи, а молодежь принимается за игру въ дурачки. (Нужно тебѣ сообщить, что денежной игры здѣсь нѣтъ). Между пятымъ и шестымъ часами вечерній чай съ тѣми же онѣрами, какъ и утромъ. Послѣ чаю опять

то же, что и до обѣда, а именно: питье кумыса, хождение по степи, шатаніе изъ одной кибитки въ другую. Такъ до ужина. Въ девять часовъ уже ужинаемъ: кушаемъ тоже, что и въ обѣдѣ. Кушанье къ ужину вновь готовится. Въ первое время меня крайне удивляло, что всѣ кумысники очень исправно относятся какъ къ обѣду, такъ и къ ужину: не смотря на то, что каждый выпиваетъ изрядное количество кумыса, всѣ ѣдятъ и таки по порядочной порціи.

Замѣчательный этотъ напитокъ кумысъ! Онъ пьется даже тогда, когда въ васъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія пить: стоитъ только осилить себя, налить въ чашку кумыса, приподнести къ губамъ, и кумысъ выпить.

Жизнь въ степи вполне животная жизнь. Чѣмъ здѣсь человѣкъ отличается отъ того скота, что бродитъ по степи? Почти ничѣмъ. Какъ тотъ, такъ и другой пьютъ, ѣдятъ, спятъ и только. Не волнуетъ насъ ни война англичанъ съ бурами, ни возстаніе китайскихъ боксеровъ противъ европейской цивилизаціи. Все это чуждо намъ, будто бы ничего подобнаго не происходитъ на Божьемъ свѣтѣ. Подобное явленіе я объясняю отчасти тѣмъ, что всѣ много пьютъ кумыса и порядочно кушаютъ, отчасти, сильными жарами, которые сильно разслабляютъ организмъ, а отчасти и оттого, что газеты приходятъ къ намъ такъ поздно, что не бываетъ никакой охоты ихъ читать. Да, на счетъ корреспонденціи здѣсь плохо. Вся она получается со станціи Оренбургской вѣтви два раза въ недѣлю и перевозится въ г. Илекъ, гдѣ, конечно, и валяется до тѣхъ поръ, пока не случится кому либо изъ нашихъ ѣхать въ

городъ. Вообще всѣ только заняты тѣмъ, чтобы побольше выпить кумыса. А облѣнились такъ, что всякій считаетъ большимъ для себѣ трудомъ сдѣлать самое необходимое. Однимъ словомъ, всѣ «окиргизились», т. е. сдѣлались лѣнливыми, какъ киргизы.

На дняхъ мы взвѣшивались, каждый, конечно, отдѣльно, и оказалось, что всѣ безъ исключенія увеличиваются въ вѣсѣ: нѣкоторые за недѣлю увеличились до 7 фунтовъ. Это-ли не достаточно? Всѣ замѣтно поправляются, что радуетъ каждого. Нѣкоторые изъ моихъ сожителей въ прошломъ году жили на благоустроенныхъ кумысныхъ курортахъ, и каждый изъ нихъ отзывался о нихъ дурно, а особенно о кумысѣ.

Одинъ рассказывалъ, что онъ жилъ на курортѣ 1½ мѣсяца, истратилъ много денегъ и не увеличился ни на фунтъ. Правда, на курортахъ пища и жизнь разнообразнѣе, но зато кумысъ невозможный! Да это и естественно: можно-ли приготовить потребное количество кумыса да еще всякихъ сортовъ на 100—200 человѣкъ (на нѣкоторыхъ курортахъ народу бываетъ и больше) отъ 20—30 кобылицъ, когда мы съ семействомъ киргиза (всего около 20 человѣкъ) выпиваемъ кумысъ, приготовленный и выдоенный отъ 25 кобылицъ? И если бы намъ потребовалось кумыса больше, то стали-бы доить большее количество кобылицъ, которыхъ у киргиза около сотни. Кобылица даетъ очень немного молока, значительно меньше коровы средняго удоа.

Въ общемъ я очень доволенъ, что попалъ къ этимъ кочевникамъ, съ которыми немножко познакомлю тебя, дорогой другъ, въ слѣдующемъ письмѣ.

Твой Д.

Киргизскія степи.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный Другъ!

Охотно дѣлюсь съ тобой тѣми свѣдѣніями, какія мнѣ пришлось узнать объ этомъ небезынтересномъ народѣ, живя среди него. Киргизы очень похожи на татаръ, что разносятъ по нашимъ мѣстамъ красный товаръ. Этотъ народъ представляетъ смѣсь различныхъ народовъ кавказской и монгольской расы. Отличительныя черты этого народа слѣдующія: всѣ имѣютъ средній ростъ, хорошо развитую грудь, крѣпкое тѣло, способное выносить рѣзкую перемену въ температурѣ; кожа желтовато-блѣднаго цвѣта; лицо съ выдающимися скулами съ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, чѣмъ на всемъ тѣлѣ, что я объясняю постояннымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; ноги отъ постоянного сидѣнія на лошади кривыя и крѣпкія; волосы на головѣ черныя, жесткіе, сдѣются поздно; борода и усы рѣдкіе и вырастаютъ поздно; глаза каріе. Вообще у киргизовъ обнаруживается большая доля монгольскихъ чертъ. Жизнь въ степи съ частой переменной температуры закалила киргизовъ, сдѣлала ихъ выносливыми и нечувствительными ни къ холоду ни къ жару. Всѣ киргизы отличаются богатырской силой. Чтобы не быть голословнымъ, упомяну, что старшій сынъ нашего киргиза каждаго изъ насъ, кумысниковъ, поднимаетъ на ладони. Кромѣ того они имѣютъ превосходное зрѣніе и слухъ.

Киргизы кочевой народъ, самый многочисленный между кочевниками въ Азіи. Кочевья ихъ простираются отъ Волги до р. Тарима и отъ низовьевъ Аму-Дарьи

до Иртыша. Только зимніе мѣсяцы киргизы проводятъ въ глиняныхъ зимовкахъ, которыя скорѣй походятъ на хлѣвы животныхъ, чѣмъ на жилье человѣка. У болѣе богатыхъ есть и дома. Лишь только пріобсохнеть весной земля, какъ всѣ киргизы поднимаются на ноги и оставляютъ ненавистную и душную зимовку. Каждый изъ нихъ собираетъ все свое достояніе и удаляется въ глубь степей, гдѣ онъ стоялъ кочевьемъ въ прошедшіе годы. Прибывъ на мѣсто, киргизъ разбиваетъ кибитку, разводитъ огонь и начинаетъ привольную жизнь.

Одежда, какъ у мужчинъ такъ и женщинъ имѣетъ общій покрой: всѣ носятъ длинные кафтаны (бешлеты), широкія шаровары, кожаные сапоги съ расшитыми задниками и красными подметками и калоши. На бритой головѣ мужчины носятъ небольшую шапочку (тебетейку), а сверху надѣваютъ большую мѣховую шапку мѣхомъ внизъ, т. е. какъ разъ наоборотъ, какъ у насъ носятъ. Женщины повязываютъ голову длинными кусками бѣлой кисеи такъ, что видна только небольшая часть лица, которая не закрывается при встрѣчѣ съ мужчинами. Кромѣ того женщины носятъ длинные ситцевыя платья, сшитыя на подобіе капота, а мужчины короткія рубахи.

Главное занятіе киргиза скотоводство, которое составляетъ ему всѣ средства къ его существованію. Разводятъ обыкновенно овецъ, лошадей, рогатый скотъ и верблюдовъ. Киргизскія овцы некрасивы на видъ, но отличаются большимъ вѣсомъ (до 5 пудовъ), неприхотливостью на кормъ, который имъ приходится самимъ

добывать и зимой, способностью быстро жирѣть и большим курдюкомъ, вмѣсто хвоста, который иногда вѣситъ около пуда. Киргизы питаются овечьимъ мясомъ, молокомъ, сыромъ; изъ овечьей грубой шерсти темно-рыжаго цвѣта они готовятъ одежду, сукно для кибитокъ и т. п.

Киргизскія лошади не отличаются красотой, но выносливы. Верблюды (двугорбые) разводятся въ небольшомъ количествѣ и служатъ для перевозки домашнего скарба во время кочевокъ. Рогатый скотъ мало распространенъ. Быки, обыкновенно, употребляются для обработки полей.

Въ послѣднее время киргизы стали заниматься земледѣліемъ: сѣютъ яровую пшеницу, просо и немного ржи. Все зерно обыкновенно продается, такъ какъ сами они хлѣба никогда не ѣдятъ. Особенно быстро стало развиваться хлѣбопашество съ «голоднаго года» (1891). Вотъ что по этому поводу пришлось услышать мнѣ отъ одного киргиза.

«Урожая въ степи не было никакого: степь была положительно гола, травы никакой. Подходила и зима. (Весь скотъ у киргизовъ и лѣто и зиму пасется въ степи, такъ что для него заготовокъ сѣна не дѣлаютъ). Лѣтомъ плохо было въ степи, а какъ настала гололедица, то и совсѣмъ скоту нечего ѣсть. Перегналъ я свой скотъ (у него было 500 овецъ, болѣе сотни лошадей и нѣсколько головъ рогатаго скота) въ казакіи земли и купилъ у одного казака ометъ сѣна за 300 рублей. Не надолго хватило сѣна. Погналъ скотъ въ другое мѣсто, гдѣ купилъ другой ометъ за 500 рублей.

Но и это сѣно скоро вышло. Что тутъ дѣлать? Да и сѣна уже нѣтъ въ продажѣ въ большомъ количествѣ. Нечего дѣлать—погналъ скотъ опять въ свои степи и сталъ покупать сѣно возами на базарѣ. Купишь возокъ за четвертной, разбросашь его — мигомъ сѣна уже и нѣтъ! Такъ я покупалъ сѣно до тѣхъ поръ, пока были деньги, а какъ деньги вышли, такъ и скотъ весь попадалъ: не осталось ни одной скотинки. За то съ того же года мы начали косить сѣно и сѣять хлѣбъ». Если сѣно теперь и косится, то все-же оно не травится скотомъ, а стоитъ въ скирдахъ, которыя отъ времени даже почернѣли. Всѣ эти скирды припасаются на голодный годъ.

Урожай въ степяхъ бываетъ такіе, какихъ нашъ крестьянинъ и во снѣ не видалъ: на одной десятинѣ родится отъ 200 до 350 пудовъ пшеницы. Весь урожай зависитъ отъ количества падающихъ весной дождей: если въ апрѣлѣ и маѣ перепадаютъ дожди, то урожай хорошій, если нѣтъ, то приходится довольствоваться сборомъ того количества сѣмянъ, которое засѣялъ.

Характерныя свойства киргиза — гостепріимство, уваженіе къ старшимъ и лѣнь. Особенно поразила меня послѣдняя. Лѣнь явилась у киргизовъ, вѣроятно, потому, что страна, гдѣ они живутъ, даетъ все имъ нужное безъ всякихъ затратъ труда. Лѣнь у киргиза проглядываетъ во всемъ: скотъ пасется по степи безъ пастуха; если же стадо большое, то бываетъ и пастухъ, который пасетъ не иначе, какъ сидя на лошади (ему же лѣнь передвигать ноги, тоща свое тѣло за стадомъ); при встрѣчѣ киргизъ шапки не скидаетъ, не киваетъ

даже головой, а только говорить: «аманъ» (здравствуй), и этотъ обычай, смѣю думать, выработался, благодаря лѣни: вѣдь чтобы скинуть шапку или поклониться, нуженъ нѣкоторый трудъ,—такъ киргизы и отъ него избавились! Киргизъ ходитъ мало: если ему нужно отправиться за полверсты, то онъ пѣшкомъ ни за что не пойдетъ,—осѣдлаетъ лошадь и уѣдетъ. Вообще, киргизы не дѣлаютъ того, что нужно бы дѣлать, но можно и не дѣлать.

Землю пахутъ очень немногіе: обыкновенно же ее поднимаютъ особыми желѣзными бородами, разбросавши предварительно на непаханной землѣ зерна. И вотъ при такой обработкѣ бываютъ такіе громадныя урожаи.

Киргизы показались мнѣ очень миролюбивымъ народомъ. Правда, было время, когда они занимались и грабежами и разбоями. теперь ничего подобнаго нѣтъ: смѣло поѣзжайте въ глубь степей, и никто васъ не тронетъ. Случаются теперь только покражи лошадей. Но этотъ проступокъ я объясняю равнодушіемъ киргиза къ этому любимому имъ животному: вѣдь лошадь у киргиза главное сокровище, и мнѣ кажется, что онъ любить ее ничуть не меньше жены и дѣтей.

Женщины гораздо трудолюбивѣ мужчинъ. Это потому, что у нихъ есть такія обязанности, какія необходимо исполнить. Онѣ ходятъ за скотомъ, доятъ коровъ и кобылицъ, готовятъ кушанье и чай, разбираютъ и складываютъ кибитки при перекочевкѣ, собираютъ ихъ и устанавливаютъ на новомъ мѣстѣ, шьютъ семьѣ бѣлье изъ ситца, который закупается на ярмаркѣ и т. п. Мужъ къ женѣ относится деспотически:

жена не можетъ перечить мужу ни въ чемъ. А почему? Да потому, что мужъ, разгнѣвавшись на жену, если послѣдняя вздумала-бы ему прекословить, можетъ въ любое время прогнать ее и взять себѣ новую. Куда-же дѣваться такой женщинѣ, которая уже потеряла и красоту, и молодость, и силу, а подѣ часть и здоровье? Поневолѣ приходится молчать и дѣлать все то, что мужъ приказываетъ.

✓ Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, но къ послѣдней примѣшиваютъ не мало прежнихъ языческихъ обрядовъ. Въ каждомъ аулѣ (селеніи) имѣется молитвенный домъ (не мечеть), въ которомъ зимой въ извѣстные часы собираются правовѣрные для молитвы. Богослуженіе въ такихъ домахъ совершаются бродячими муллами. Киргизы не имѣютъ собственныхъ муллъ, а послѣдніе являются къ нимъ отъ татаръ. Эти бродячіе муллы занимаются и обученіемъ дѣтей. Исламъ отразился на киргизахъ только обрядовой стороною; молитвы и посты не соблюдаются; развито многоженство между состоятельными киргизами. Вообще, киргизы у магометанства взяли только то, что легко и пріятно выполнимо.

✚ Меня не мало удивило то, что киргизы умѣютъ читать и писать. Оказывается, что обученіе у нихъ грамотѣ обязательно какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ.

Въ послѣднее время наше правительство заботится о распространеніи русской грамотности среди киргизовъ: въ каждой волостной ставкѣ имѣется русско-киргизская школа, въ которой обучаются мальчики. При каждой

школѣ имѣется интернатъ, гдѣ дѣти и живутъ. Правительство даетъ имъ пищу, бѣлье и даже одежду. Въ каждой школѣ два учителя, изъ которыхъ одинъ обязательно киргизъ. Учителя-киргизы получаютъ обыкновенно образование въ Оренбургской русско-киргизской учительской школѣ. Всѣ они получаютъ приличное содержаніе (по сравненію съ нашими сельскими учителями) и состоятъ на государственной службѣ.

Признаюсь, что я даже позавидовалъ этимъ учителямъ, которые и труда несутъ меньше нашимъ сельскимъ, и содержаніе получаютъ больше, и, кромѣ того, надѣлены такими отличіями по службѣ, которыхъ давнымъ—давно добивается нашъ сельскій учитель. Очень немногіе изъ киргизовъ отдаютъ своихъ дѣтей въ гимназіи и другія учебныя заведенія.

Въ киргизскихъ степяхъ введена русская администрація, которая дѣйствуетъ, однако, примѣнительно къ мѣстнымъ правамъ и обычаямъ. Каждый аулъ выбираетъ себѣ аульнаго старшину, который исполняетъ тѣ же обязанности, что нашъ сельскій староста. Нѣсколько ауловъ составляютъ волость, главный начальникъ которой называется волостнымъ управителемъ, который выбирается особыми выборными лицами. На волостномъ управителѣ лежатъ тѣ же обязанности, что и на волостномъ старшинѣ. Дѣла же общія всѣхъ киргизовъ, находящихся въ одномъ уѣздѣ, вѣдаетъ уѣздный начальникъ.

У киргизовъ имѣются собственные судьи на подобіе нашихъ волостныхъ судовъ, которые дѣйствуютъ по мѣстнымъ обычаямъ. Киргизскіе судьи разрѣшаютъ всѣ

вопросы, возникшіе между киргизами; ихъ дѣйствию не подлежатъ болѣе важныя преступленія, какъ-то: убійство, грабежъ, разбой, угонъ скота и т. п. Судьи выбираются также, какъ и другія выборныя лица. Если же возникаетъ дѣло между киргизомъ и не киргизомъ то оно разрѣшается въ русскихъ судахъ. Для этого въ каждомъ уѣздѣ имѣется мировой судья, который вмѣстѣ съ переводчикомъ ѣздитъ, по мѣрѣ надобности, изъ одной волости въ другую и разбираетъ такіе дѣла.

Всѣ киргизы платятъ подати, или кибиточный сборъ. Сборъ этотъ двоякій: государственный и мѣстный. Мѣстный сборъ употребляется на мѣстныя же нужды самихъ киргизовъ, какъ-то содержаніе училищъ, врачей, волостныхъ управителей и т. п. Къ кибиточному сбору привлекается всякій киргизъ у котораго имѣется извѣстное количество скота, принятое правительствомъ за minimum, т. е. не менѣе 12 лошадей, 16 головъ рогатаго скота, 25 овецъ, 2 пары верблюдовъ. Если киргизъ не въ состояніи уплатить подати, то за него уплачиваетъ весь аулъ, раздѣливши между собой поровну. Съ кибитки взимается 8 рублей.

Изъ обычаевъ, обратившихъ на меня свое вниманіе, небезынтересенъ слѣдующій. Всякій киргизъ у котораго есть дѣти, считаетъ прямой своей обязанностью сосватать послѣднихъ еще до десятилѣтняго возраста. Приданое (калымъ) дается не родителями невѣсты, а родителями жениха. У нихъ такъ сказать, жену себѣ покупаютъ, почему и обращаются съ ней плохо. Свадьбы устраиваются между 16 и 20 годами. Дѣти у киргизовъ при жизни отца не имѣютъ никакого права

отказываться отъ исполненія его приказаній, иначе непослушный сынъ (про дочь и толку уже нѣтъ) будетъ лишенъ наслѣдства. А что киргизу дѣлать, когда у него нѣтъ скота? (Все богатство киргиза въ скотѣ).

Заканчивая это письмо, я не могу не упомянуть о прожорливости киргизъ, которая кажется невѣроятной.

Между киргизами встрѣчаются такіе, которые сѣдаютъ цѣлаго небольшого барашка за одинъ обѣдъ (около 30 фунтовъ). Фактъ невѣроятный, но бывалый. Еще ямщикъ мой, везшій меня въ степи, рассказаль мнѣ, что онъ своими глазами видѣлъ, какъ киргизъ во время спора сѣлъ 16 фунтовъ конины. Когда же я о такомъ случаѣ прожорства передалъ хозяевамъ - киргизамъ, то они ничуть этому не удивились, а напротивъ добавили, что нѣкоторые могутъ сѣсть гораздо больше. Но зато тотъ же самый киргизъ, который можетъ сѣсть за разъ столько мяса, сколько другой великорусъ не поѣстъ за полмѣсяца, можетъ недѣлю—двѣ оставаться безъ пищи только съ однимъ чаемъ.

Вотъ все, что я могъ тебѣ сообщить о киргизахъ.

Твой Д.

Киргизскія степи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Любезный Другъ.

Житъе въ степи намъ начинается надоѣдать. Надоѣдаетъ кумысъ, котораго пьемъ гораздо меньше, чѣмъ въ первое время по пріѣздѣ; надоѣдаетъ баранина. На

сколько послѣдняя прежде казалась намъ вкусной, на столько теперь стали питать къ ней отвращеніе. Да это и въ порядкѣ вещей: какъ-бы вкусно кушанье ни было, если его употреблять ежедневно да еще и въ обѣдъ и въ ужинъ, оно современемъ такъ надоѣстъ, что и смотрѣть то на него тошно.

Тоже самое случилось и съ нами. Многіе садятся за обѣдъ только потому, что рассчитываютъ, не явятся ли за обѣдомъ хоть какой-либо аппетитъ на баранину, во время котораго можно сѣсть одинъ-другой кусочекъ.

Въ послѣднее время мы разнообразимъ себѣ обѣдъ «шашлыкомъ». Шашлыкъ—кавказское кушанье, которое готовится такъ: куски баранины насаживаютъ на желѣзные прутья и жарятъ немножко на угольяхъ. Намъ шашлыкъ приготовляетъ кумысница, пріѣхавшая съ Кавказа. Но и шашлыкъ не особенно вкусенъ,— все таже баранина! Въ виду того, что многіе изъ моихъ сотоварищей почти перестали ѣсть и очень мало выпиваютъ кумыса (слишкомъ ужъ наскучилъ), нѣкоторые собираются уѣзжать.

На прошлой недѣлѣ мы перекочевали въ аулъ, гдѣ нашъ киргизъ имѣетъ для зимовки деревянный домъ, крытый желѣзной крышей. Причины перекочевки были слѣдующія: во-первыхъ, въ колодцѣ воды не стало хватать на весь скотъ, котораго у киргиза около 300 головъ, и во-вторыхъ, подходило время уборки сѣна и полей. (Нашъ киргизъ занимается хлѣбопашествомъ и въ большихъ размѣрахъ). Обрадовались мы перекочевкѣ, какъ какому празднику: съ какимъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ стали собирать свое достояніе.

При перекочевкѣ меня удивило то, какъ быстро киргизы разбираютъ свои кибитки: въ какіе-либо два—три часа было все снято, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло цѣлыхъ пять кибитокъ, было уже чисто. По прибытіи въ зимовку, мы размѣстились въ домѣ. Киргизъ-же раскинулъ для себя кибитку около дома. Насъ не мало удивило то, что въ томъ аулѣ, куда мы переѣхали, почти около каждой глиняной зимовки стоитъ кибитка: это киргизы вернулись съ кочевки на время уборки сѣна и полей.

Житье въ домѣ куда хуже, чѣмъ въ кибиткѣ: въ домѣ воздухъ значительно хуже, да и комнаты, за отсутствіемъ мебели, походятъ скорѣе на какіе-либо хлѣвы, куда загоняютъ скотъ, хотя всѣ онѣ чисты, оклеены обоями и имѣютъ крашеные полы. Очевидно жизнь киргиза въ домѣ ничѣмъ не отличается отъ житья въ кибиткѣ.

На дняхъ вѣсились. Обыкновенно взвѣшиваніе происходитъ каждую недѣлю. Последнее взвѣшиваніе показало, что прибавка въ вѣсѣ значительно уменьшилась: кумысники, которые прежде еженедѣльно увеличивались до 7 фунтовъ, теперь увеличились только на 1—2 фунта. Нѣкоторые же вовсе не увеличились. Да это должно и быть: откуда же будетъ вѣсѣ увеличиваться, когда баранина не сѣдается, а кумысъ пьется мало?

Подумываю и я бросить эти привольныя степи. Я вполнѣ остаюсь доволенъ ими: онѣ дали мнѣ все чего я отъ нихъ желалъ.

Пріятно взглянуть бы на васъ, привольныя степи, чрезъ какихъ нибудь 20—30 лѣтъ, когда не трава—ковыль васъ будетъ покрывать, а золотыя нивы.

Позволяю себѣ надѣяться, что пройдетъ небольшой промежутокъ времени, и киргизы изъ кочевниковъ обратятся въ осѣдлыхъ жителей, которые уже будутъ видѣть главное свое достояніе не въ скотоводствѣ, а въ земледѣліи.

Отъ занятій-же киргизовъ земледѣліемъ Россія очень много выиграетъ: количество хлѣбнаго зерна возрастетъ до значительныхъ размѣровъ, и хлѣбъ значительно упадетъ въ цѣнѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ почти не родится.

А развѣ это не благодѣяніе для бѣднаго нашего крестьянина, который почти только и питается то однимъ хлѣбомъ?

А теперь прощай, другъ, до личного свиданія!

Твой Дмитрий.

Киргизскія степи.

